

РАЗДЕЛ I
ЯЗЫК И ДИСКУРС:
СИНТАКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

И.Н.Гуцко

старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

АВТОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПОЭМЕ ДЖ.Г.БАЙРОНА
«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА»

В теории литературы термин «автор» является многозначным. Понятие «автор» может употребляться для обозначения самого автора произведения, т.е. реально существующего человека. В другом значении слово «автор» используется для выражения авторской позиции в отношении того, как он воспринимает и оценивает в своем произведении окружающий мир и то, что в нем происходит. То есть, говоря об авторе, имеют в виду «особую форму выражения авторского сознания». Некоторые особенности авторского присутствия в лирическом произведении «Паломничество Чайльд-Гарольда» охарактеризованы М.М.Исуповой [1, с. 245 – 249]. В автобиографическом произведении образ автора может растворяться в его герое. Так, Н.П.Жилина отмечает, что «автор в лирике Байрона – это герой-романтик начала девятнадцатого века» [2, с. 222 – 225].

В данной статье мы будем использовать слово «автор» в следующем значении - «автор» как субъективный взгляд писателя на отображаемую им действительность. Так, рассуждая о специфике авторского присутствия в анализируемой поэме Байрона, И.Л.Забогонская отмечает: «поэт продолжает размышлять о причинах, которые ограничивают человеческую свободу, в центре внимания уже не только конфликт личности и общества. Теперь Байрон задумывается о более глубоком противостоянии – небесного и земного, материального и идеального – души и плоти. Тем более, что в его жизни эта проблема вполне актуальна, ведь он постоянно испытывает острое недовольство собой» [3, с.107].

В литературоведении считается, что именно с «Паломничества Чайльд-Гарольда» начинается настоящий Байрон. В 1812 году появляются и сразу же становятся популярными первые две песни поэмы, посвященные таким великим историческим событиям как Французская революция и Наполеоновские войны. Сам Байрон по своей натуре был в какой-то степени близок сложной личности Наполеона. Современники оценивали французского полководца достаточно неоднозначно и

противоречиво. С одной стороны, их несомненно пленяла одаренность, молодость, гениальность, смелость последнего. Подобной популярностью обладали в античном мире, например, Юлий Цезарь и Александр Македонский. Именно такую параллель проводит в поэме и сам Байрон:

„And would be all or nothing—nor could wait
For the sure grave to level him; few years
Had fixed him with the Caesars in his fate,
On whom we tread: For THIS the conqueror rears
The arch of triumph!“ [4, p. 69].

С другой стороны, личность Наполеона воплощала в себе не только отверженца революционных идей, но и тирана, посягнувшего на мировое господство. Неоднозначность отношения к Наполеону проявляется и в творчестве Байрона. В первых песнях «Паломничества...» чувствуется разочарование поэта, изображающего действия Наполеона антиреволюционными и тираническими:

„Hark! heard you not those hoofs of dreadful note?
Sounds not the clang of conflict on the heath?
Saw ye not whom the reeking sabre smote;
Nor saved your brethren ere they sank beneath
Tyrants and tyrants' slaves?“ [4, p. 9].

По жанровым особенностям эта поэма представляет собой критический анализ, построенный в исторической и философской перспективе.

Сюжет произведения следующий: молодой человек по имени Чайльд-Гарольд, англичанин по национальности, ведет светский образ жизни с празднествами, любовными похождениями, и постепенно у него в душе нарастает чувство недовольства. Достигнув своего восемнадцатилетия и полностью разочаровавшись в жизни, он отправляется в путешествие с целью – никогда не возвращаться на родину. Стоя на палубе корабля, он поет свою прощальную песню о том, что покидает и с чем прощается (однако и в путешествии герой не смог обрести себя).

Великий Байрон представляет в поэме своего героя – Чайльд-Гарольда – как незаурядную личность, жаждущую полноценной жизни, как человека нового поколения, героя-романтика, подверженного настроениям горечи, гордыни, острого недовольства собой, известным в Европе как «мировая скорбь». Герой Байрона был внутренне болен ею. Он страдал не только от чувства неудовлетворенности собственной жизнью, но и мучался осознанием трагедии мира. В поэме Байрона трагедия Чайльд-Гарольда и трагедия мира представляют собой единое целое.

Всё произведение состоит из путевых записок Чайльд-Гарольда:

“His house, his home, his heritage, his lands,
The laughing dames in whom he did delight, <...>
And all that mote to luxury invite,

Without a sigh he left to cross the brine,
And traverse Paynim shores, and pass earth's central line"[4, p. 4].

В двух первых песнях поэмы Байрон изображает разрушенную, разочарованную под гнетом Наполеона Европу. Он воспеваает Испанию, противостоящую натиску французских завоевателей, и Россию, в которой война с французами только начинается. Воплощением пробуждения чувства национального самосознания Испании становится образ Дон-Кихота, душа которого рвется навстречу великой, но недостижимой мечте. Увлечение испанцев таким жестоким развлечением как коррида вытесняет на задний план их гражданскую позицию.

Следующая страница путешествия Чайльд-Гарольда – Греция. Но и здесь героя ждет разочарование. Современная Греция, находящаяся под турецким гнетом, оказывается полной противоположностью древнегреческого государства – политического идеала Байрона. Поэт призывает Грецию к мятежу: „Triumph o'er your foe: Greece!“, горько осознавая его невозможность.

Третья и четвертая песни написаны в 1816 и 1818 годах. Между первой и второй, третьей и четвертой песнями лежит промежуток в несколько лет. Для личности, подобной Байрону, это очень большая временная дистанция, поэтому образ автора претерпевает определенную эволюцию, а степень его присутствия в тексте поэмы изменяется.

Байрон размышляет о природе собственного творчества и декларирует его как отражение своей души:

“Could I embody and unbosom now
That which is most within me,—could I wreak
My thoughts upon expression, and thus throw
Soul, heart, mind, passions, feelings, strong or weak” [4, p. 51].

Автор и его герой в ходе повествования постоянно чередуются. О Чайльд-Гарольде говорится в третьем лице, а когда повествование переходит к автору, то оно строится от второго лица („And frequent turn to linger as **you** go“, „And rest **ye** at 'Our Lady's House of Woe“, „And here and there, as up the crags **you** spring“). В заключительной же песне автор полностью вытесняет своего героя: «В последней песне пилигрим появляется реже, чем в предыдущих, и поэтому он менее отделен от автора, который говорит здесь от своего собственного лица» [5, p. 110]. Поэтому поэтическое повествование ведется уже от первого лица:

“I can repeople with the past—and of
The present there is still for eye and thought,
And meditation chastened down, enough;
And more, it may be, than I hoped or sought” [4, p. 57].

В финале третьей песни усиливаются автобиографические мотивы, Байрон посвящает несколько строк своей дочери:

“My daughter! with thy name this song begun—
My daughter! with thy name this much shall end—

I see thee not, I hear thee not,—but none
Can be so wrapt in thee” [4, p. 53].

Автор делает свое «Я» полноправным героем поэмы, он размышляет о том, как перейти от одной темы к другой, и эти размышления вводятся им в художественный текст:

„But let me quit man's works, again to read
His Maker's spread around me, and suspend
This page, which from my reveries I feed,
Until it seems prolonging without end” [4, p. 52 – 53].

В начале четвертой песни поэт задумывается о значении своего творчества. И хотя Байрон вел жизнь скитальца, его сердце всегда было с Англией:

„My spirit shall resume it—if we may
Unbodied choose a sanctuary. I twine
My hopes of being remembered in my line
With my land's language” [4, p. 56 - 57].

Третья и четвертая песни Байрона являются более философскими по сравнению с первой и второй. Поэт обращается в них к истории Европы и закономерностям ее развития. Байрон создает психологические портреты великих просветителей Французской революции. С особым воодушевлением он охарактеризовал Руссо:

„His life was one long war with self-sought foes,
Or friends by him self-banished; for his mind
Had grown suspicion's sanctuary, and chose
For its own cruel sacrifice, the kind” [4, p. 48].

Четвертая песнь посвящена Италии – ее культуре. Поэт создает образы Петрарки, Тассо, Данте, Ариосто, характеризуя их творчество. И рядом со стихами, написанными высоким стилем, соседствуют иронические авторские строки, посвященные школьным годам:

„The hills with Latian echoes; I abhorred
Too much, to conquer for the poet's sake,
The drilled dull lesson, forced down word by word
In my repugnant youth, with pleasure to record” [4, p. 66].

Особенно иронично отношение автора к своему герою в четвертой песне. Юношеский максимализм Байрона уступает место более зрелым размышлениям. Собственная личность вытесняет Чайльд-Гарольда:

„But where is he, the pilgrim of my song,
The being who upheld it through the past?
Methinks he cometh late and tarries long” [4, p. 80].

На фоне покоренной Европы Байрон изображает свободолюбца, который оплакивает идеал свободы, но при этом в характере Гарольда нет места сентиментальности. В этом проявляется параллель с самим автором, считавшим себя поэтом-воином, а по призванию – полководцем.

Таким образом, поэтическое новаторство Дж.Г.Байрона как романтика состоит в том, что:

1. Он сделал объектом художественного исследования свой внутренний мир, жизнь собственной души. Вот почему в его поэме авторская составляющая проявляется намного значительнее, чем поэтические характеристики Чайльд-Гарольда.
2. Байрон ощущал свою родственность с великими деятелями европейской культуры и литературы прошлого. Этим определяются его особые, романтические характеристики их творчества – от первого, авторского, лица. Что касается Чайльд-Гарольда, то он не высказал ни одной оценки от своего имени.
3. Герой Байрона – это новый тип, новый характер, новый литературный герой, так называемый «скорбник», гордый и одинокий, глубоко разочарованный человек, не находящий в мире места для себя и своих идеалов.
4. Чайльд-Гарольд, в основном, выражает чувства, эмоции и переживания молодого романтического поколения. Автор же выступает в поэме как аналитик, формулирующий определенную концепцию жизни.
5. В финале поэмы автор в значительной степени дистанцируется от своего героя, отношение Байрона изменяется от сочувственного к ироничному.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Исупова, М.М. Лингвокультурные аспекты пространственной организации английских поэтических произведений (на примере поэмы Дж. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда») / М.М.Исупова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – №5. – С.245 – 249.
2. Жилина, Н.П. Аксиологические координаты романтической личности в поэмах Дж. Байрона и А.С.Пушкина / Н.П.Жилина // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – №2. – Т.1-ый. – С.222 – 225.
3. Забогонская, И.Л. Поэма Дж.Г.Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» в контексте понятий «путешествие» и «паломничество» / И.Л.Забогонская // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия А. – Гуманитарные науки. Литературоведение. – 2009. – №1. – С.102 – 111.
4. Mode of excess: <http://www.gutenberg.org/> Date of excess: 02.12.2015
5. Байрон, Дж. Г. Избранное / Сост., авт. Послесл. и коммент. Р.Ф.Усманова // Дж.Г.Байрон. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.